

На пути к «государственной» словесности: институты и практики

Составитель блока Дмитрий Цыганов

Александр Дмитриев

Социология переходной литературной культуры, или Снова советское

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_104

Публикации «Нового литературного обозрения» в последние десятилетия последовательно анализировали особенности социального бытования литературы в разных ее измерениях. Ретроспективной исследовательской опорой неизменно были давние идеи «литературного быта» Бориса Эйхенбаума с изучением рецептивных форм нового культурного потребления. К построениям Эйхенбаума примыкали тогдашние разработки «социологии литературного вкуса» Л. Шюккинга, а также соображения оригинального и почти совсем забытого академического «социолога литературы» Николая Ефимова¹ (хотя ими заняться, как и его историей «идеологии своеземного православия», особенно стоило бы). Но социологические инструменты 1920-х сами по себе, как кажется, — несмотря на их «симультанность» очень важной и для нас, потомков, эпохе, — все-таки не дают непосредственного выхода к пониманию социальных корней тогдашней литературной жизни. Одна из важных причин такого специфического «несоответствия» инструментов анализа и его предмета — помимо цензурных обстоятельств и вообще «давления времени» — является центральность понятия «класса» для тогдашнего социологического анализа. Причем это касается не только марксизма образца Плеханова, Люксембург или уже затем — Лео Левенталья или Реймонда Вильямса. Уже примерно к 1960-м (еще до немецкой «рецептивной эстетики») на первый план выходят понятие групп, и особенно институтов. Институты могут пониматься двояко — или в узком,

1 Внимания заслуживают несколько его книг [Ефимов 1912; 1918; 1927; 1930]. О первой из них — «Русь — Новый Израиль: теократическая идеология своеземного православия в допетровской письменности» — уважительно отзывался писатель и историк Владимир Шаров; содержательные ссылки на эту совсем небольшую по объему, но весьма важную книжку до сих пор встречаются в трудах современных медиевистов.

сугубо организационном смысле, или в более широком плане механизмов функционирования и потребления в рамках культурного производства; важную роль для продвижения второго подхода сыграли работы Пьера Бурдьё и его аналитика типов социального капитала и социокультурных различий внутри современного общества². Но как все эти механизмы работали в рамках советской государственной системы, особенно в эпоху ее становления? Помимо совершенно специфического институционального дизайна, здесь не могут выноситься за скобки и идеологические и эстетические измерения.

Очевидно, что литературная история первой половины XX века, связанная с советским экспериментом, продолжает вызывать интерес и явно повышенное внимание исследователей (и не только их) почти уже столетие спустя. Хотя уроки этого времени, казалось бы, учтены и усвоены — но что заставляет к ним возвращаться снова и снова? Очевидный ответ, помимо явных переключек с современностью: *опасные связи*. Ибо тогдашние идеологические вызовы, исторические сдвиги, резко выросшая роль насилия и государственного вмешательства оказались неразрывно переплетены с культурными новациями и эстетическими переменами на пространстве «одной шестой части» суши — и за ее пределами. Эти перемены также предопределили (на будущее) характер и облик литературы и советской, и «подсоветской» середины XX века и даже второй его половины. Но помимо этого эффекта, быть может особенно значимой (и соответственно, трудной для анализа) оказывается *природа* этого переплетения. Например, Галин Тиханов уже довольно давно обратил внимание на странный парадокс сочетания революционно-футуристической прагматики со специфически внутренним эстетическим консерватизмом у молодого Шкловского, заинтересованного в «воскрешении слова» и показательно равнодушного к «цвету флага над крепостью» [Tihanov 2005].

О сложности выработки инструментария для понимания двойной (и общественной и художественной) природы произошедшей революции говорили уже внимательные наблюдатели начала 1920-х годов. Анализируя с другими коллегами стиль Ленина, опоязовец и инженер Борис Томашевский пытался на страницах журнала «ЛЕФ», как и в случае с XVIII веком, опереться на завоевания риторики, которая была бы одновременно учебником и создания, и «развинчивания» выразительных форм, рожденных новой эпохой:

Основные проблемы конструкции словесного материала не затрагиваются ни логикой, ни психологией, ни лингвистикой. Должна быть воскрешена старушка риторика так же, как воскресла поэтика... Необходимо это и с точки зрения динамики современной культуры. В настоящее время происходит характерное «оседание» культуры. Прошла эпоха «парниковой» духовной жизни. Парниковая рассада пошла в дело. Отсюда и широкая демократизация искусства, и такие симптомы, как своеобразный утилитаризм в художественных направлениях. Все это — проявления здоровой тенденции создания широкой культурной традиции; традиция — это своего рода маховик, аккумулятор, обеспечивающий бесперебойную работу будущего. Это оседание, как всякий социальный процесс, сопровождается и отрицательными, уродливыми явлениями, но в основе это процесс здоровый и исторически необходимый. Парники («интеллигентство» — которое

2 Помимо обобщения идей самого Бурдьё [Speller 2011], важно учитывать работы его последователей в области анализа литературы [Fowler 2021; Jurt 2023].

напрасно смешивают с «интеллигенцией», профессиональной носительницей культуры, которая нужна при всяких социальных соотношениях) — эти парники разбиты. Проникновение культуры в «жизнь» — выражаясь грубо — влечет за собой и пристальную, внимательную культивировку прозаической речи. Мечта Писарева о слиянии художественной литературы с популярно-научной наконец обретает в России реальную почву, хотя и не в формах, мыслившихся реалисту. Пред нами стоит практический вопрос — выработка нормальной реторики [Томашевский 1924: 140—141].

И характерным образом, несмотря на явные усилия ряда формалистских теоретиков и активность Института живого слова или схожих организаций, эта «попутническая» аналитическая, и тем более практическая установка на новую «реторику» реализована так и не была [Brandist 2015]³. *Культивировка речи* уже во второй половине 1920-х обеспечивалась не столько формалистско-«спецификаторскими» или даже партийно-идеологическими усилиями, сколько новыми институциональными практиками литературной жизни, далеко за пределами только «рапповского» лагеря. Как представляется, именно анализ институций может стать сейчас одним из главных средств для понимания описанного Томашевским «оседания» — не только для эпохи 1920-х, но и более позднего, собственно сталинского периода.

Как известно, переходу от революционной к соцреалистической парадигме в советской культуре посвящены за последние десятилетия десятки и даже сотни разноплановых публикаций. Ведущие направления («тренды») были заданы еще пионерскими работами Катарины Кларк, Ханса Гюнтера и отчасти «ревизионизмом» у историков, вроде Ричарда Стайтса или Шейлы Фицпатрик и ее единомышленников на излете советской эпохи. Затем институциональная природа литературной жизни 1920—1930-х, казалось бы, была достаточно полно и концептуально изложена в книгах Евгения Добренко о формовке советского читателя и писателя; работающие преимущественно в Германии или США слависты справедливо уделяли внимание медиальным и антропологическим аспектам новой словесности. Заслуженно востребованными стали указания Бориса Гаспарова или Роберта Бёрда на сложную модернистскую «подкладку» некоторых литературных и эстетических приемов 1930-х годов⁴. Творчество Андрея Платонова остается важным (и явно непростым) предметом анализа для исследователей нового века. В последнее время закономерно формируется «транснациональный» срез изучения литературы 1920—1930-х годов (и для литератур советских республик и этнических групп), хотя тут, кажется, явно не хватает обращения к трактовкам перемен на международной левой культурной сцене от 1920 до 1950-х годов⁵.

Что к этому может добавить — под институциональным углом зрения — публикуемая подборка, кроме вводимого в оборот нового материала? В пандан к цитате из Томашевского, приведенной выше, можно вспомнить и понятие «организованного упрощения культуры» левовского попутчика Михаи-

3 К сожалению, совсем малоизученным остается наследие одного из младоформалистов Виктора Гофмана (1899—1942), автора книги «Слово оратора (риторика и политика)» [Гофман 1932].

4 Часть этих статей безвременно ушедшего ученого вошла в книгу: [Бёрд 2022]; см. также: [Гаспаров 1999; 2017].

5 Явный сдвиг в эту сторону см.: [Glaser, Lee 2020].

ла Левидова. Он тогда же, в начале нэпа, хотел прославить насильственное переименование «слишком» утонченных и развитых модернистских форм в плоскость массового, революционно-функционального нового быта и рационального потребления⁶. Большинство исследователей красного эксперимента справедливо отмечают борьбу за гегемонию (и власть) как решающий мотив институционального развития, особенно в домене «пролетарской литературы». Но из директивного занятия правильной/провластной (партийной) позиции, как признавали и сами советские критики (особенно после Постановления 1932 года), еще не рождались сами по себе шедевры или весомые литературные репутации. Поэтому изучение литературной критики, а также читательского восприятия действительно позволяет задать необходимую объемность изучения словесности советской эпохи. И обращение к феномену «литературной организации» — но именно в расширенном духе — представляется тут особенно продуктивным [Круглова 2005; Рахматулина 2020; Янковская 2007; Апу 2020]. Изучение социальных (рамочных) условий возможности литературного производства, конечно, не может заменить изучения самих текстов, но, кажется, дает к ним заметно больше ключей, чем думалось во времена первого пришествия «нового историзма».

И тут стоит остановиться на любопытном парадоксе: литература заведомо ангажированная, как будто создаваемая по принципу социального заказа, за эти десятилетия в наименьшей степени освещена с точки зрения социологии литературы — и современной, и уже классической. Одна из причин такой странной десоциологизации состоит в том, что данный случай может казаться слишком очевидным, в смысле попыток «ломиться» в настезь распахнутую дверь. Сама социология литературы со сложностями своей институционализации (в 1970—1990-е для ее становления в Москве много сделали Лев Гудков и особенно Борис Дубин, см.: [Степанов 2015]) опирается на базовую аксиому автономизации своего предмета, словесности. Советский случай, широко понимаемый, — ломает как раз эту установку, ибо подчеркивает именно гетерономию «художественного производства» — и восприятия, общественную ангажированность или даже зависимость литературы от внешних условий. Но в разрывании литературного цеха советского типа, судя по всему, внешнее становится и внутренним. В конечном счете — точнее, на вековой дистанции — представляется, что ключ к динамике «оседающей культуры» 1920-х годов и последующих десятилетий дает не риторика сама по себе (как видел дело Томашевский или впоследствии, например, Гуковский), но состыковка ее с изучением социального устройства литературной жизни.

Именно институциональный подход поможет детальнее понять, как соотносятся между собой разные формы литературного сообщества в их специфических условиях реализации⁷. И в представляемом вниманию читателей блоке публикуется ряд материалов, где идет речь о разных типах послереволюционной организации литературы и культуры в целом. Перед нами работы, исследующие эволюцию исходно самостоятельных форм: сначала речь идет о доста-

6 *Левидов М.* Организованное упрощение культуры // Красная новь. 1923. Кн. 1. С. 306—318. Ср.: [Асоян 2018].

7 См. обзор современных соперничающих подходов: [Muecke 2016; Váňa 2020]. Для нашего случая интерес представляют: [Dobrenko, Jonsson-Skradol 2018; Kindley 2017; Sutherland 1988].

точно автономных начинаниях (кружок, сеть сообществ). И в статье **Марии Лихининой**, и в подготовленной **Валерием Отяковским** публикации рассмотрены особенности существования «переходных» литературных формаций, действующих еще в контексте Гражданской войны или раннего нэпа. Затем в статье **Дарьи Московской** описано развитие более иерархизированного и многоступенчатого типа организаций, — например, с региональными филиалами. Статья **Аллы Бурцевой** показывает, как в условиях «великого перелома» начинает работать мобилизационная форма писательской деятельности, отличная от времен революции и Гражданской войны⁸.

Скорее всего, несмотря на очевидное богатство эмпирического материала и разнородность объяснительных схем, в плане концептуальном будущие **социологические** перспективы изучения «пореволюционной» и советской культуры определятся путем наложения двух ныне более заметных тенденций: с одной стороны, открытий институционального анализа литературы XIX века («Чаадаевская история» в изображении Михаила Велижева, история читателей и кодификаций Алексея Вдовина и его коллег, новые трактовки реализма у Ильи Клингера или Анатолия Корчинского) и, с другой — изучения специфических уже более тонких и «невидимых» механизмов самонастройки поздних и постсоветских литератур, включая там- и самиздат, «контркультуру» и вторую литературу (в работах Ильи Кукулина, Марии Майофис, Глеба Морева или Кевина Платта). Вместо обоюдоострой «реторики», о которой мечтал Томашевский, или «классовой идеологии» Переверзева и Фриче историческая социология (не только советской) литературы обретет свою релевантность в опоре на изучение советского типа современности. Открытия Катарины Кларк, Евгения Добренко, Юрия Слезкина и Шейлы Фицпатрик (как и их необходимая ревизия), вместе с изучением наследия и скрытых параметров деятельности таких разных международных авторов этого склада, как Лукач, Брехт, Элюар, Мюнценберг или Назым Хикмет, помогут этому направлению анализа лучше понять не только «неушедшее» прошлое — но и опасное, катастрофическое настоящее.

Библиография / References

- [Асоян 2018] — Асоян Ю.А. Организованное упрощение культуры? Понятие и идеологема культурности в Советской России 1920-х годов // Вестник Свято-Филаретовского института. 2018. № 28. С. 117—140.
- [Аsoyan Yu.A. Organizovannoe uproshchenie kul'tury? Ponyatie i ideologema kul'turnosti v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov // Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta. 2018. No. 28. P. 117—140.]
- [Бёрд 2022] — Бёрд Р. Символизм после символизма. СПб.: Нестор-история, 2022.
- [Bird R. Simvolizm posle simvolizma. Saint Petersburg, 2022.]
- [Гаспаров 1999] — Гаспаров Б. Развитие или реструктурирование: взгляды академика Т.Д. Лысенко в контексте позднего авангарда (конец 1920—1930-е годы) // Логос. 1999. № 11—12 (21). С. 21—36.
- [Gasparov B. Razvitie ili restrukturirovanie: vzglyady akademika T.D. Lysenko v kontekste pozdne-

8 См. примыкающую по сюжету недавнюю публикацию: [Шерстюков 2021] и важную книгу: [Draskoczy 2014].

- go avangarda (konets 1920—1930-e gody) // Logos. 1999. No. 11—12 (21). P. 21—36.)
- [Гаспаров 2017] — *Гаспаров Б.* Социалистический реализм в метафизическом измерении (Возможна ли ложь художественного вымысла?) // Новое литературное обозрение. 2017. № 1. С. 66—77.
- (*Gasparov B.* Sotsialisticheskiy realizm v metafizicheskom izmerenii (Vozmozhna li lozh' khudozhestvennogo vmysla?) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. No. 1. P. 66—77.)
- [Гофман 1932] — *Гофман В.А.* Слово оратора (риторика и политика). Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932.
- (*Gofman V.A.* Slovo oratora (ritorika i politika). Leningrad, 1932.)
- [Ефимов 1912] — *Ефимов Н.И.* Русь — Новый Израиль: теократическая идеология своеземного православия в допетровской письменности. Казань: Тип. Ф.П. Окишева, 1912.
- (*Yefimov N.I.* Rus' — Novyy Izrail': teokraticheskaya ideologiya svoezemnogo pravoslaviya v dopetrovskoy pis'mennosti. Kazan', 1912.)
- [Ефимов 1918] — *Ефимов Н.И.* Своеобразие русской литературы: обзор мнений. Одесса: Тип. А.А. Ивасенко, 1918.
- (*Yefimov N.I.* Svoeobrazie russkoy literatury: obzor mneniy. Odessa, 1918.)
- [Ефимов 1927] — *Ефимов Н.И.* Социология литературы: очерки по теории историко-литературного процесса и по историко-литературной методологии. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 1927.
- (*Yefimov N.I.* Sotsiologiya literatury: ocherki po teorii istoriko-literaturnogo protsessa i po istoriko-literaturnoy metodologii. Smolensk, 1927.)
- [Ефимов 1930] — *Ефимов Н.И.* Литературоведение революционной эпохи. (Направления и проблемы.) Вып. I. Эйдологическое направление (школа проф. В. Переверзева). Владивосток: Тип. Дальневосточного ун-та, 1930.
- (*Yefimov N.I.* Literaturovedenie revolyutsionnoy epokhi. (Napravleniya i problemy.) Vol. I. Eydologicheskoe napravlenie (shkola prof. V. Pereverzeva). Vladivostok, 1930.)
- [Круглова 2005] — *Круглова Т.А.* Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005.
- (*Kruglova T.A.* Sovetskaya khudozhestvennost', ili Neskromnoe obayanie sotsrealizma. Ekaterinburg, 2005.)
- [Рахматулина 2020] — *Рахматулина Е.Ю.* Союзы творческой интеллигенции в системе государственного патернализма (на примере центральноазиатских республик СССР в 30-е гг. XX в.) // Вопросы истории. 2020. № 10—11. С. 275—287.
- (*Rakhmatulina Ye.Yu.* Soyuzy tvorcheskoy intelligentsii v sisteme gosudarstvennogo paternalizma (na primere tsentral'noaziatskikh respublik SSSR v 30-e gg. XX v.) // Voprosy istorii. 2020. No. 10—11. P. 275—287.)
- [Степанов 2015] — *Степанов Б.Е.* Борис Дубин и российский проект социологии культуры // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 163—173.
- (*Stepanov B.Ye.* Boris Dubin i rossiyskiy proekt sotsiologii kul'tury // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2015. No. 6. P. 163—173.)
- [Томашевский 1924] — *Томашевский Б.* Конструкция тезисов // ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 140—148.
- (*Tomashevskiy B.* Konstruktsiya tezisev // LEF. 1924. No. 1 (5). P. 140—148.)
- [Шерстюков 2021] — *Шерстюков С.А.* «Большевикам пустыни и весны»: советские писатели «открывают» Среднюю Азию (1930 г.) // Востоковедение: история и методология. 2021. Вып. II. С. 106—120.
- (*Sherstyukov S.A.* "Bol'shevikam pustyni i vesny": sovetskie pisateli "otkrivayut" Srednyuyu Aziyu (1930 g.) // Vostokovedenie: istoriya i metodologiya. 2021. Iss. II. P. 106—120.)
- [Янковская 2007] — *Янковская Г.* Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь: ПГУ, 2007.
- (*Yankovskaya G.* Iskusstvo, den'gi i politika: khudozhnik v gody pozdnego stalinizma. Perm', 2007.)
- [Янковская 2009] — *Янковская Г.* Бригадный метод и другие «ноу-хау» изополитики эпохи сталинизма // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ЦСПГИ: Вариант, 2009. С. 126—140.
- (*Yankovskaya G.* Brigadnyy metod i drugie "nou-khau" izopolitiki epokhi stalinizma // Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme / Ed. by Ye.R. Yarskoy-Smirnova, P.V. Romanov. Moscow, 2009. P. 126—140.)
- [Any 2020] — *Any C.* The Soviet Writers' Union and Its Leaders: Identity and Authority under Stalin. Studies in Russian Literature and Theory. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2020.
- [Brandist 2015] — *Brandist C.* The dimensions of hegemony: Language, culture and politics in revolutionary Russia. Leiden; Boston: Brill, 2015.
- [Dobrenko, Jonsson-Skradol 2018] — *Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses / Ed. by E. Dobrenko, N. Jonsson-Skradol.* London: Anthem Press, 2018.

- [Draskozcy 2014] — *Draskozcy J.S.* Belomor: Criminality and Creativity in Stalin's Gulag. Boston: Academic Studies Press, 2014.
- [Fowler 2021] — *Fowler B.* Writers and politics: Gisèle Sapiro's advances within the Bourdieusian sociology of the literary field // *Theory and Society*. 2021. Vol. 50. No. 6. P. 867—889.
- [Glaser, Lee 2020] — *Comintern Aesthetics* / Ed. by A.M. Glaser, S.S. Lee. Toronto: University of Toronto Press, 2020.
- [Jurt 2023] — *Jurt J.* Le champ littéraire. Le concept de Pierre Bourdieu: contextes, théorie, pratiques. Paris: Honoré Champion, 2023.
- [Kindley 2017] — *Kindley E.* Poet-Critics and the Administration of Culture. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017.
- [Muecke 2016] — *Muecke S.* An ecology of institutions: recomposing the humanities // *New Literary History*. 2016. Vol. 47. No. 2. P. 231—248.
- [Speller 2011] — *Speller J.R.W.* Bourdieu and literature. Cambridge: Open Book Publishers, 2011.
- [Sutherland 1988] — *Sutherland J.* Publishing history: A hole at the centre of literary sociology // *Critical Inquiry*. 1988. Vol. 14. No. 3. P. 574—589.
- [Tihanov 2005] — *Tihanov G.* The politics of estrangement: The case of the early Shklovsky // *Poetics Today*. 2005. Vol. 26. No. 4. P. 665—696.
- [Váňa 2020] — *Váňa J.* Fiction and social knowledge: Towards a strong program in the sociology of literature // *Социологическое обозрение*. 2020. No. 4. P. 14—35.